

ПОМОЩЬ
ТЕЛЯМ
ОДНЫХ
УНИВЕРСИТЕТОВ
КУЛЬТУРЫ

*Беседы
о музыке*

СТЕФАН ЦВЕЙГ

ГЕНИЙ
ОДНОЙ НОЧИ

(Марсельеза. 25 апреля 1792 года)

МУЗЫКА МОСКВА 1964

M 1195677

1792 год. Уже целых два — уже три месяца не может Национальное собрание решить вопрос: мир или война против австрийского императора и прусского короля. Сам Людовик XVI пребывает в нерешительности: он понимает, какую опасность несет ему победа революционных сил, но понимает он и опасность их поражения. Нет единого мнения и у партий. Жирондисты, желая удержать в своих руках власть, рвутся к войне; якобинцы с Робеспьером, стремясь стать у власти, борются за мир. Напряжение с каждым днем возрастает: газеты вопят, в клубах идут бесконечные споры, все неистовей роятся слухи, и все сильнее и сильнее распаляется благодаря им общественное мнение. И потому, когда 20 апреля король Франции объявляет, наконец, войну, все невольно испытывают облегчение, как бывает при разрешении любого трудного вопроса.

Все эти бесконечно долгие недели над Парижем тяготела давящая душу грозная атмосфера, но еще напряженнее, еще тягостнее возбуждение, царящее в пограничных городах. Ко всем бивакам уже подтянуты войска, в каждой деревне, в каждом городе снаряжаются добровольческие дружины и отряды Национальной гвардии; повсюду возводятся укрепления и прежде всего в Эльзасе, где знают, что на долю этого маленького клочка французской земли, как всегда в боях между Францией и Германией, выпадет первое, решающее сражение. Здесь, на берегу Рейна, враг, противник — это не отвлеченное, расплывчатое понятие, не риторическая фигура, как в Париже, а сама осязаемая, зримая действительность; с предмостного укрепления — башни собора — можно невооруженным глазом различить приближающиеся прусские полки. По ночам над холодно сверкающей в лунном свете рекой ветер несет с того берега сигналы вражеского горна, бряцание оружия, грохот пушечных лафетов. И каждый знает: единое слово, один королевский декрет — и жерла прусских орудий извергнут гром и пламя, и возобновится тысячелетняя борьба Германии с Францией, на сей раз во имя новой свободы с одной стороны, и во имя сохранения старого порядка — с другой.

И потому столь знаменателен день 25 апреля 1792 года, когда военная эстафета доставила из Парижа в Страсбург сообщение о том, что Франция объявила войну. Тотчас же из всех домов и переулков хлынули потоки возбужденных людей; торжественно, полк за полком, проследовал для последнего смотра на главную площадь весь городской гарнизон. Там его ожидает уже мэр Страсбурга Дитрих с трехцветной перевязью через плечо и трехцветной кокардой на шляпе, которой он размахивает, приветствуя дефилирующие войска. Фанфары и барабанная дробь призывают к тишине, и Дитрих громко зачитывает составленную на французском и немецком языках декларацию, он читает ее на всех площадях. И едва умолкают последние слова, полковой оркестр играет первый из маршей революции — Карманьолу. Это собственно даже не марш, а задорная, зыблеще на мшистый танцевальный песенка, но марши звякающий шаг придает ей ритм походного марша. Толпа снова растекается по домам и переулкам, повсюду разгорается охвативший ее энтузиазм; в кафе, в клубах произносятся зажигательные речи и раздаются прокламации. «К оружию, граждане! Вперед, сыны отчизны! Мы никогда не склоним выи!» Такими и подобными призывами начинаются все речи и прокламации, и повсюду, во всех речах, во всех газетах, на всех плакатах, устами всех граждан повторяются эти боевые, звучные лозунги: «К оружию, граждане! Дрожите, коронованные тираны! Вперед, свобода дорогая!» И слыша эти пламенные слова, ликующие толпы снова и снова подхватывают их. При объявлении войны на площадях и улицах всегда ликует толпа; но в эти же часы всеобщего ликования слышны и другие, осторожные голоса; объявление войны пробуждает страх и заботу, которые, однако, притаились в робком молчании либо шепчут чуть слышно по темным углам. Всегда и повсюду есть матери; а не убьют ли чужие солдаты моего сына? — думают они; везде есть крестьяне, которым дороги их домишки, земля, имущество, скот, урожай; так не будут ли их жилища разграблены, а нивы истоптаны озверелыми полчищами? Не будут ли напитаны кровью их пашни? Но мэр города Страсбурга, барон Фридрих Дитрих, хотя он и аристократ, как лучшие представители французской аристократии, всей душой предан делу новой свободы: он желает слышать лишь громкие, уверенно звучащие голоса надежды, и потому он превращает день объявления войны в народный праздник. С трехцветной перевязью через плечо спешит он с собрания на собрание, воодушевляя народ. Он приказывает раздать выступающим в поход солдатам вино и дополнительные пайки, а вечером устраивает в своем просторном особняке на Плас де Бройльи прощальный вечер для генералов, офицеров и высших административных лиц, и царящее на нем воодушевление заранее превращает его в празднество победы. Генералы, как вообще все генералы на свете, твердо уверены в том, что победят; они играют на этом вечере роль почетных председателей, а молодые офицеры, которые видят в войне весь смысл своей жизни, свободно делятся мнениями, так и подзадоривая друг друга. Они размахивают шпагами, обнимаются, провозглашают тосты и, подогретые добрым вином, произносят все более и более пылкие речи. И в речах этих вновь повторяются зажигательные лозунги газет и прокламаций: «К оружию, граждане! Вперед, плечом к плечу! Пусть дрожат коронованные тираны, пронесем наши знамена над Европой! Священна к родине любовь!» Весь народ, вся страна, сплоченная верой в победу, общим стремлением бороться за свободу, жаждет в такие моменты слиться воедино.

И вот в разгар речей и тостов барон Дитрих обращается к сидящему возле него молоденькому капитану инженерных войск по имени Руже. Он вспомнил, что этот славный — не то чтобы красавец, но весьма симпатичный офицерик — полгода тому назад написал в честь провозглашения конституции неплохой гимн свободе, тогда же переложенный для оркестра полковым, музыкантом Плейелем. Вещица оказалась мелодичной; военная хоровая капелла разучила ее, и она была успешно исполнена в сопровождении оркестра на главной площади города. Не устроить ли такое же торжество и по случаю объявления войны и выступления войск в поход? Барон Дитрих небрежным тоном, как обычно просят добрых знакомых о каком-нибудь пустячном одолжении, спрашивает капитана Руже (кстати говоря, этот капитан без каких бы то ни было оснований присвоил дворянский титул и носит фамилию Руже де Лиль), не воспользуется ли он патриотическим подъемом, чтобы сочинить походную песню для Рейнской армии, которая завтра уходит сражаться с врагом.

Руже — маленький, скромный человек: он никогда не мнил себя великим художником — стихи его никто не печатает, а оперы отвергают все театры, но он знает, что стихи на случай ему удаются. Желая угодить высокому должностному лицу и другу, он соглашается. Хорошо, он попробует. — Bravo, Руже! — сидящий напротив генерал пьет за его здоровье и велит, как только песня будет готова, тотчас же прислать ее на поле сражения — пусть это будет что-нибудь вроде окрыляющего шаг патриотического марша. Рейнской армии в самом деле нужна такая песня. Между тем кто-то уже произносит новую речь. Снова тосты, звон бокалов, шум. Могучая волна всеобщего воодушевления поглотила случайный краткий разговор. Все восторженней и громче звучат голоса, все более бурной становится пирушка, и лишь далеко за полночь покидают гости дом мэра.

Глубокая ночь. Кончился столь знаменательный для Страсбурга день 25 апреля, день объявления войны, — вернее, уже наступило 26 апреля. Все дома окутаны мраком, но мрак обманчив — в нем нет ночного покоя, город возбужден. Солдаты в казармах готовятся к походу, а во многих домах с закрытыми ставнями более осторожные из граждан, быть может, уже собирают пожитки, готовясь к бегству. По улицам маршируют взводы пехотинцев; то проскачет, цокая копытами, конный вестовой, то прогрохочут по мостовой пушки, и все время раздается монотонная переключка часовых. Враг слишком близок, слишком взволнована и встревожена душа города, чтобы он мог уснуть в столь решающие мгновения.

Необычайно взволнован и Руже, добравшийся, наконец, по винтовой лестнице до скромной своей комнатухи в доме 126 на Гранд Рю. Он не забыл обещания поскорей сочинить для Рейнской армии походный марш. Он беспокойно расхаживает из угла в угол потесной комнате. Как начать? Как начать? В ушах его все еще звучит хаотическая смесь пламенных воззваний, речей, тостов: «К оружию граждане!.. Вперед, сыны свободы!.. Раздавим черную силу тирании!..». Но вспоминаются ему и другие, подслушанные мимоходом слова: то голоса женщин, дрожащих за жизнь сыновей, голоса крестьян, боящихся, что поля их будут растоптаны вражескими полчищами и политы кровью. Он берет перо и почти бессознательно записывает первые две строки; это лишь отзвук, эхо, повторение слышанных им воззваний: «Вперед, сыны отчизны милой! Мгновенье славы настает!»

Он перечитывает и сам удивляется: как раз то, что нужно. Начало есть. Теперь подобрать бы подходящий ритм, мелодию. Руже вынимает из шкафа скрипку и проводит смычком по струнам. И — о чудо! — с первых же тактов ему удается найти мотив. Он снова хватается за перо и пишет, увлекаемый все дальше какой-то внезапно овладевшей им неведомой силой. И вдруг все приходит в гармонию: все порожденные этим днем чувства, все слышанные на улице и банкете слова, ненависть к тиранам, тревога за родину, вера в победу, любовь к свободе. Ему даже не приходится сочинять, придумывать, он лишь рифмует, облекает в ритм мелодии переходившие сегодня, в этот знаменательный день, из уст в уста слова, и он выразил, пропел, рассказал в своей песне все, что перечувствовал в тот день весь французский народ. Не надо ему сочинять и мелодию: сквозь закрытые ставни в комнату проникает ритм улицы, ритм этой тревожной ночи, гневный и вызывающий; его отбивают шаги марширующих солдат, грохот пушечных лафетов. Быть может, и слышит-то его не сам он, Руже, чутким своим слухом, а дух времени, на одну только ночь вселившийся в брентную оболочку человека, ловит этот ритм. Все послушнее подчиняется мелодия ликующему и словно молотом отбиваемому такту, который выстукивает сердце всего французского народа. Словно под чью-то диктовку, поспешнее и поспешнее записывает Руже слова и ноты — он охвачен бурным порывом, какого доселе не ведала его мелкая мещанская душа. Вся экзальтация, все вдохновение, не присущие ему, нет, а лишь чудесно завладевшие его душой, сосредоточились в единой точке и могучим взрывом вознесли жалкого дилетанта на колоссальную высоту над его скромным дарованием, словно яркую, сверкающую ракету метнули до самых звезд. На одну только ночь суждено капитану Руже де Лиллю стать братом бессмертных; первые две строки песни, составленные из готовых фраз, из лозунгов, почерпнутых на улице и в газетах, дают толчок творческой мысли, и вот появляется строфа, слова которой столь же вечны и непреходящи, как и мелодия:

«Вперед, плечом к плечу шагая!
Священна к родине любовь.
Вперед, свобода дорогая,
Одушевляй нас вновь и вновь!»

Еще несколько строк — и бессмертная песня, рожденная единым порывом вдохновенья, в совершенстве сочетающая слова и мелодию, закончена до рассвета - Руже гасит свечу и бросается на постель. Какая-то сила, он и сам не знает какая, взнесла его до неведомых ему высот духовного озарения, а теперь та же сила повергла в тупое изнеможение. Он спит непробудным сном, похожим на смерть. Да так оно и есть; в нем снова умер творец, поэт, гений. Но чудо на столе, целиком отделившись от спящего, который создал в порыве истинно святого вдохновенья это чудо, лежит законченный труд. Едва ли за всю долгую историю человечества был другой случай, когда бы слова и звуки столь же быстро и одновременно стали песней.

Но вот колокола древнего собора возвещают, как и всегда, наступление утра. Время от времени ветер доносит с того берега Рейна звуки залпов — началась первая перестрелка. Руже просыпается, с трудом выбираясь из глубин мертвого сна. Он смутно чувствует: что-то произошло, произошло с ним, оставив по себе только слабое воспоминание. И вдруг он замечает на столе исписанный листок. Стихи? Но когда же я их сочинил? Музыка? Ноты, набросанные моей рукой? Но когда же я это написал? Ах, да! Обещанная вчера другу Дитриху походная песня для Рейнской армии! Руже пробегает глазами стихи, мычит про себя мотив. Но, как всякий автор только что созданного произведения, чувствует лишь полную неуверенность. Рядом с ним живет его товарищ по полку. Руже спешит показать и спеть ему свою песню. Тому нравится, он предлагает лишь несколько небольших поправок. Эта первая похвала вселяет в Руже уверенность. Сгорая от авторского нетерпения и гордясь, что так быстро выполнил обещанное, он мчится к мэру и застаёт Дитриха на утренней прогулке; расхаживая по саду, он сочиняет новую речь. Как! Уже готово? Ну что ж, послушаем. Оба идут в гостиную; Дитрих садится за клавиш, Руже поет. Привлеченная необычайной в столь ранний час музыкой, приходит супруга мэра. Она обещает переписать песенку, размножить ее и, как истая музыкантша, вызывается - написать аккомпанемент, чтобы сегодня же вечером можно было исполнить эту новую песню, вместе со многими другими, перед друзьями дома. Мэр, который гордится своим довольно приятным тенорком, берется выучить ее наизусть; и вот 26 апреля, то есть вечером то-то же дня, на заре которого были написаны слова и музыка песни, она впервые исполняется в гостиной мэра города Страсбурга перед случайными слушателями.

Вероятно, слушатели дружески аплодировали автору и не скупилась на любезные комплименты. Но, разумеется, ни у кого из гостей особняка на главной площади Страсбурга не мелькнуло даже малейшего предчувствия, что в их бранный мир спорхнула на незримых крыльях бессмертная мелодия. Редко случается, чтобы современники великих людей и великих творений сразу же постигали все их значение; примером может служить письмо супруги мэра своему брату, где это свершившееся чудо гениальности низведено до уровня банального эпизода из светской жизни: «Ты же знаешь, мы часто принимаем гостей, и поэтому, чтобы внести разнообразие в наши вечера, вечно приходится что-то придумывать. Вот мужу и пришла мысль заказать песню по случаю объявления войны. Некий Руже де Лиль, капитан инженерного корпуса, славный молодой человек, поэт и композитор, очень быстро сочинил слова и музыку походной песни. Муж, у которого приятный тенор, тут же спел ее, песенка очень мила, в ней есть что-то своеобразное. Это Глюк, только гораздо лучше и живее. Пригодился и мой талант: я сделала оркестровку и написала партитуру для клавира и других инструментов, так что на мою долю выпало немало труда. Вечером песня была исполнена у нас в гостиной к большому удовольствию всех присутствующих».

«К большому удовольствию всех присутствующих», — каким холодом дышат для нас эти слова! Но ведь при первом исполнении Марсельеза и не могла возбудить иных чувств, кроме дружеского сочувствия и одобрения, ибо она не могла еще предстать во всей своей силе. Марсельеза не камерное произведение для приятного тенора и предназначена отнюдь не для того, чтобы исполняться в провинциальной гостиной одним-единственным певцом между какой-нибудь итальянской арией и романсом. Песня, волнующий, упругий и ударный ритм которой рожден призывом: «К оружию, граждане!», — обращение к народу, к толпе, и единственный достойный ее аккомпанемент — звон оружия, звуки фанфар и поступь марширующих полков. Не для равнодушных, удобно расположившихся гостей создана эта песня, а для единомышленников, для товарищей по борьбе. И петь ее должен не одинокий голос, тенор или сопрано, а тысячи людских голосов, ибо это походный марш, гимн победы, похоронный марш, песнь отчизны, национальный гимн целого народа. Всю эту многообразную, вдохновляющую силу зажжет в песне Руже де Лилия вдохновение, подобное тому, что породило ее. А пока ее слова и мелодия, в их волшебном созвучии, не проникли еще в душу нации; армия не познала еще в ней своего походного марша, песни победы, а революция — бессмертного пеона, гимна своей славы.

Да и сам Руже де Лиль, с которым произошло это чудо, не больше других понимает значение того, что он создал в лунатическом состоянии под чарами некоего изменчивого духа. Этот симпатичный дилетант от души рад аплодисментам и любезным похвалам. С мелким тщеславием маленького человека он стремится до конца использовать свой маленький успех в маленьком провинциальном кругу. Он поет новую песню своим друзьям в кофейнях, заказывает с нее рукописные копии и посылает их генералам Рейнской армии. Тем временем по приказу мэра и рекомендациям военного начальства страсбургский полковой оркестр Национальной гвардии разучивает «Походную песню Рейнской армии» и четыре дня спустя, при выступлении войск, исполняет ее на главной площади города. Патриотически настроенный издатель вызывается напечатать ее, и она выходит с почтительным посвящением Руже де Лилю его начальнику, генералу Люкнеру. Никто из генералов и не думает, однако, вводить у себя при походе новый марш: очевидно, и этой песне Руже де Лиля, подобно всем предшествующим ей произведениям, суждено ограничиться салонным успехом одного вечера, остаться эпизодом провинциальной жизни, обреченным на скорое забвение.

Но никогда живая сила, вложенная в творение мастера, не даст надолго упрятать себя под замок. Творение могут на время забыть, оно может быть запрещено, даже похоронено, и все же стихийная сила, живущая в нем, одержит победу над преходящим. Месяц, два месяца о походной песне Рейнской армии ни слуху ни духу. Печатные и рукописные экземпляры ее валяются где-нибудь или ходят по рукам равнодушных людей. Но достаточно и того, если вдохновенный труд воодушевит хотя бы одного-единственного человека, ибо подлинное воодушевление всегда плодотворно. 22 июня на противоположном конце Франции, в Марселе, клуб «Друзей конституции» дает банкет в честь выступающих в поход добровольцев. За длинными столами сидят пятьсот пылких юношей в новеньких мундирах Национальной гвардии. Здесь царит то лихорадочное оживление, что и на пирушке в Страсбурге 25 апреля, но еще более страстное и бурное благодаря южному темпераменту марсельцев и вместе с тем не столь крикливо победоносное, как тогда, в первые часы по объявлении войны. Ибо, вопреки хвастливым заверениям генералов, что французские революционные войска легко переправятся через Рейн и повсюду будут встречены с распростертыми объятиями, этого отнюдь не произошло. Напротив, неприятель глубоко вклинился в пределы Франции, он угрожает ее независимости, свобода в опасности.

В разгар банкета один из юношей — имя его Мирёр, он студент-медик университета в Монпелье — стучит по своему бокалу и встает. Все умолкают и глядят на него, ожидая речи, тоста. Но вместо этого юноша, подняв руку, запекает песню, какую-то совсем новую, незнакомую им и неведомо как попавшую в его руки песню, которая начинается словами: «Вперед, сыны отчизны милой!» И вдруг, словно искра попала в бочку с порохом, вспыхнуло пламя: чувство соприкоснулось с чувством — извечные полюсы человеческой воли. Все эти выступающие завтра в поход юноши жаждут сразиться за дело свободы, готовы умереть за отечество; в словах песни они услышали выражение своих самых заветных желаний, самых сокровенных дум; ее ритм неудержимо захватывает их единым восторженным порывом воодушевления. Каждая строфа сопровождается ликующими возгласами, песня исполняется еще раз, все уже запомнили ее мотив и, повскакав с мест, с поднятыми бокалами громовыми голосами вторят припеву: «К оружию, граждане! Ровный военный строй!». На улице под окнами собрались любопытные, желая послушать, что это здесь поют с таким воодушевлением, и вот они тоже подхватывают припев, а на другой день песню распевают уже десятки тысяч людей. Она печатается новым изданием, и когда 2 июля пятьсот добровольцев покидают Марсель, вместе с ними выходит оттуда и песня. Отныне всякий раз, когда люди устанут шагать по большим дорогам и силы их начнут сдавать, стоит кому-нибудь затянуть новый гимн, — и его бодрящий, подхлестывающий ритм придает шагающим новую энергию. Когда они проходят по деревне и отовсюду сбегаются крестьяне поглазеть на солдат, марсельские добровольцы запевают ее дружным хором. Это их песня: не зная, кем и когда она была написана, не зная и того, что она предназначалась для Рейнской армии, они сделали ее гимном своего батальона. Она их боевое знамя, знамя их жизни и смерти, в своем неудержимом стремлении вперед они жаждут пронести ее над миром.

Париж — вот первая победа Марсельезы, ибо так будет вскоре называться гимн, сочиненный Руже де Лилем. 30 июля батальон марсельских добровольцев со своим знаменем и песней шагает по предместьям города. На улицах толпятся тысячи и тысячи парижан, желая оказать солдатам почетную встречу; и когда пятьсот человек, маршируя по городу, дружно, в один голос поют в такт своим шагам песню, толпа настораживается. Что это за песня? Какая чудесная, окрыляющая шаг мелодия! Какой торжественный, точно звуки фанфар, припев: «К оружию, граждане!» Эти слова, сопровождаемые раскатистой барабанной дробью, проникают во все сердца! Через два-три часа их поют уже во всех концах Парижа. Забыта Карманьола, забыты все истасканные куплеты и старые марши. Революция обрела в Марсельезе свой голос, и революция приняла ее как свой гимн.

Победоносное шествие Марсельезы неудержимо, оно подобно лавине. Ее поют на банкетах, в клубах, в театрах и даже в церквях после Те Деум, а вскоре и вместо этого псалма. Каких-нибудь два-три месяца, и Марсельеза становится гимном целого народа, походной песней всей армии. Серван, первый военный министр французской республики, сумел почувствовать огромную окрыляющую силу этой единственной в своем роде национальной походной песни. Он издает приказ срочно разослать сто тысяч экземпляров Марсельезы по всем музыкантским командам, и два-три дня спустя песня безвестного автора получает более широкую известность, чем все произведения Расина, Мольера и Вольтера. Ни одно торжество не заканчивается без Марсельезы, ни одна битва не начинается, прежде чем полковой оркестр не проиграет этот марш свободы. В сражениях при Жемаппе и Нервиндене под его звуки строятся для атаки французские войска, и вражеские генералы, подбадривающие своих солдат по старому рецепту двойной порцией водки, с ужасом видят, что им нечего противопоставить всеокрушающей силе этой «страшной» песни, которая, когда ее хором поют тысячи голосов, буйной и гулкой волной бьет по рядам их солдат. Всюду, где сражается Франция, парит Марсельеза — подобно крылатой Нике, богине победы, увлекая на смертный бой бесчисленное множество людей.

А между тем в маленьком гарнизоне Хюнинга сидит никому на свете не известный капитан инженерных войск Руже де Лиль, прилежно вычерчивая планы траншей и укреплений. Быть может, он успел уже и забыть «Походную песню Рейнской армии», созданную им в ту давно минувшую ночь на 26 апреля 1792 года; по крайней мере, когда он читает в газетах о новом гимне, о новой походной песне, покоровшей Париж, ему и в голову не приходит, что эта победоносная «Песня марсельцев», каждый ее такт, каждое слово ее и есть то самое чудо, которое совершилось в нем, произошло с ним далекой апрельской ночью. Злая насмешка судьбы: эта до небес звучащая, к звездам возносящая мелодия не вздымает на своих крыльях единственного человека — именно того, кто ее создал. Никто в целой Франции и не думает о капитане инженерных войск Руже де Лиле, и вся огромная, небывалая для песни слава достается самой песне: даже слабая тень ее не падает на автора. Имя его не печатается на текстах Марсельезы, и сильные мира сего, верно, так и не вспомнили бы о нем, не возбудил он сам их враждебного к себе внимания. Ибо — и это гениальный парадокс, который может изобрести только история, — автор гимна революции вовсе не революционер; более того: он, как никто другой способствовавший своей бессмертной песней делу революции, готов отдать все свои силы, чтобы сдержать ее. И когда марсельцы и толпы парижан с его песней на устах громят Тюильри и свергают короля, Руже де Лиль отворачивается от революции. Он отказывается присягнуть Республике и предпочитает выйти в отставку, чем служить якобинцам. Он не желает вкладывать новый смысл в слова своей песни «свобода дорогая»; для него деятели Конвента то же, что коронованные тираны по ту сторону границы. Когда по приказу Комитета общественного спасения ведут на гильотину его друга и крестного отца Марсельезы, мэра Дитриха, генерала Люкнера, которому она посвящена, и всех офицеров-дворян, бывших первыми ее слушателями, Руже дает волю своему озлоблению; и вот — ирония судьбы! — певца революции бросают в тюрьму как контрреволюционера, судят его за измену родине. И только 9 термидора, когда с падением Робеспьера распахнулись двери темниц, спасло французскую революцию от нелепости — отправить под «национальную бритву» творца своей бессмертной песни.

И все же то была бы героическая смерть, а не прозябание в полной безвестности, на которое он обречен отныне. Больше чем на сорок лет, на тысячи и тысячи долгих дней суждено злополучному Руже пережить свой единственный в жизни подлинно творческий час. У него отняли мундир, лишили его пенсии; стихи, оперы, пьесы, которые он пишет, никто не печатает, их нигде не ставят. Судьба не прощает дилетанту его вторжения в ряды бессмертных; мелкому человеку приходится поддерживать свое мелкое существование всякого рода мелкими и далеко не всегда чистыми делишками. Карно и позднее Бонапарт пытаются из сострадания помочь ему. Однако с той злосчастной ночи что-то безнадежно надломилось в его душе; она отравлена чудовищной жестокостью случая, дозволившего ему три часа пробыть гением, богом, а затем с презрением отшвырнувшего его к прежнему ничтожеству. Руже ссорится со всеми властями: Бонапарту, который хотел ему помочь, он пишет дерзкие патетические письма и во всеуслышание хвастает, что голосовал против него. Запутавшись в делах, Руже пускается на подозрительные спекуляции попадает даже в долговую тюрьму Сент-Пелажи за неуплату по векселю. Всем досадивший, осаждаемый кредиторами, отслеживаемый полицией, он забирается под конец куда-то в провинциальную глушь и оттуда, точно из могилы, всеми покинутый и забытый, наблюдает за судьбой своей бессмертной песни. Ему довелось еще быть свидетелем того, как Марсельеза вместе с победоносными войсками Наполеона вихрем промчалась по всем странам Европы, после чего Наполеон, едва став императором, вычеркнул эту песню, как слишком революционную, из программ всех официальных торжеств, а после реставрации Бурбоны и совсем запретили ее. И когда по прошествии целого человеческого века, в июльскую революцию 1830 года, слова и мелодия песни со всей былой силой вновь прозвучали на баррикадах Парижа и король-буржуа Луи Филипп пожаловал ее автору крохотную пенсию, озлобленный старик не испытывает уже ничего, кроме удивления.

Заброшенному в своем одиночестве человеку кажется чудом, что о нем кто-то вдруг вспомнил; но и эта память недолговечна, и когда в 1836 году семидесятишестилетний старец умер в Шуази-ле-Руа, никто уже не помнил его имени.

И лишь во время мировой войны, когда Марсельеза, давно уже ставшая государственным гимном, вновь воинственно гремела на всех фронтах Франции, последовал приказ перенести прах маленького капитана Руже де Лилия в Дом Инвалидов и похоронить его рядом с прахом маленького капрала Бонапарта; наконец-то неведомый миру творец бессмертной песни мог отдохнуть в усыпальнице славы своей родины от горького разочарования, что лишь единственную ночь довелось ему быть поэтом.

ОТ РЕДАКТОРА

В наследии выдающегося австрийского писателя Стефана Цвейга (1881—1941) немалое место занимают повести очерки и новеллы, посвященные реальным историческим личностям — великим писателям, путешественникам полководцам, политическим деятелям изобретателям Цвейга привлекают фигуры людей, связанных с поворотными моментами истории, и деяния, запечатлевшие в себе высший подъем творческих духовных сил человека Такова идея цикла «Звездные часы человечества», в который наряду с миниатюрами, рисующими поражение Наполеона под Ватерлоо, открытие Южного полюса капитаном Скоттом и некоторыми другими входит и блестящая миниатюра «Гений одной ночи».

События окружающие рождение «Марсельезы», изложены Цвейгом вполне объективно Действительно, создание этого бессмертного революционного гимна Руже де Лилем — посредственным поэтом и музыкантом — является одной из тех «загадок», которые не перестают тревожить умы исследователей и объяснение которым дает исключительное переплетение обстоятельств Известной оговорки требует только встречающееся в «Гении одной ночи» упоминание об «операх» Руже де Лилия, якобы сочиненных им до «Марсельезы» известны три оперных либретто Руже де Лилия, первое из которых («Баярд в Брессе») было создано в 1791 году, и произведение это, с музыкой Шампена, было поставлено в Париже 21 февраля 1791 года; к 1798-му году относится либретто оперы «Жако, или школа матерей» для композитора делла Мариа и к 1827-му — «Макбет» для композитора Шелара.

Клод Жозеф Руже де Лиль родился 10 мая 1760 года в Лен-ле-Сонье и умер 27 июня 1836 года в Шуази-ле-Руа. В Страсбурге, куда он прибыл в мае 1791 года в качестве гарнизонного офицера, он быстро приобрел популярность как стихотворец, скрипач и певец. Еще в сентябре 1791 года на одном из праздников в Страсбурге был публично исполнен гимн «К свободе» с музыкой Игнация Плейеля на текст Руже де Лилия. Таким образом, Руже де Лиль, несомненно, близко соприкасался со стихией массовых революционных празднеств и той новой атмосферой интонаций и ритмов — героических, ораторских, маршевых, — которая была вызвана к жизни французской буржуазной революцией. Его «Военная песнь Рейнской армии», получившая впоследствии имя «Марсельезы», гениально обобщила эти ритмоинтонации и стала великолепным памятником своей эпохи, символом революционного призыва Она распространилась далеко за пределы Франции; с новым текстом («Отречемся от старого мира») ее пели в России, начиная с 80-х годов прошлого века, а в 1905 году возникли варианты «Рабочей», «Крестьянской» и «Студенческой» марсельез.

Перу Руже де Лилия принадлежит и ряд других вокальных произведений, в том числе гимн в честь ниспровержения Робеспьера (1794), «Песня мщения» (1798), «Боевая песня» (1800) для армии, отправившейся на покорение Египта; в 1825 году в Париже были опубликованы «50 французских песен», а также «Двадцать пять романсов для голоса, фортепиано и скрипки». Ни одно из этих сочинений, разумеется, не может быть сопоставлено с единственным шедевром Руже де Лилия, однако самое их существование говорит все же о его непрекращавшейся и в поздние годы композиторской активности, которую вовсе обходит в своей новелле Стефан Цвейг.

Текст «Гения одной ночи» печатается по изданию «Стефан Цвейг. Избранные произведения в двух томах» (М, ГИХЛ., 1956) в переводе Г.Еременко.

М.Сабина

[Подготовила к веб-публикации Люсиль](#)

© Vive Liberta 2006